

Юта

Прогреть мотор и сесть за руль—
и тем начать повествованьё.
Свези меня за ржавый рубль
в мою страну-воспоминанье—
вернуть забытую любовь!

Шамань, шаман! да пошамановедче,
рассказывай: «Коньяк и финьшампань
объединяет мягкий знак...»

Шамань!—
и пусть подольше длится этот вечер
разобранной по странам света речи.
Мы вспоминаем прошлое, оно
Молчит, как батискаф, но всё равно:

Пока сквозь панораму кирпича,
дыр, из-под них—исподних штукатурок,
белёсых фонарей, лепных фигурок,
домов, деревьев и фонтанов ча-
хлых—снег идёт, на языке горча,
летающий, как Мюнхгаузен сквозь турок.
Шамань!

Пока экскурсию ведут
на чуда картинной галереи:
..Ладыя, а в ней лихие иудеи,
Колумба обогнувшие, гребут
в Америку—а там уже поют
мормоны, хором съехавшие с крыши
на редкий праздник встречи двух колен...
Шамань!

И дольше века длится плен,
и Смерть, уже слетевшая на Темпль,
молчит и чистит свой гранатомёт.

Жизнь суетна, искусство неприступно:
дилемма эта мучит неотступно
художника, перерастая в сплин.
Но в день, когда густой ультрамарин
и золотая россыпь птичьих трелей,
трава, крутая глина рослых елей
и яблоневый белый кринолин—
внезапно сочетаются...

Но в ночь!—
когда пахнёт черёмуховой страстью,—
художник вдруг поймёт, как это к счастью,
что у него есть маленькая дочь,—
и кружит он, как ведьма, над мольбертом,
колдуя: «Поживём...» да «Поглядим»,—
..которая увидит мир таким,
каким он должен быть,—великолепным.

Отлакирован солнцем, жёлт шиповник
на тёмно-синей зелени листвы,
над озером сгущается прохлада,
и, задевая за кадык скалы,
срываются, летя в тартарары,
голосовые связки водопада.
Вода шумит и глушит серебром
наш разговор... Темны его мотивы.
Над Солт-Лейк-Сити небо цвета сливы,
и морды гор... И радуга вдали
звенит о шлифовальный круг Земли.

Ночной концерт

Казалось бы, художнический долг—
запечатлеть страну, в которой даже
тамбовский волк без мафии—не волк,
а моська в светло-сером экипаже.
Армейские казармы, КПЗ,
канарский рай, турецкий марш гетеры.
Казалось бы, ну что они тебе,
этюды на лирические темы?

*«Когда в кругу убийственных забот
нам всё мерзит—и жизнь, как камней гряда,
лежит на нас,—вдруг, знает Бог откуда,
нам на душу отрадное дохнёт...»*

(Тютчев)

Сыграй мне, дождь, серебряный тапёр,
аккордов ряд, разбитых и неточных,
на потемневшем пластике лотков:
табачных, винно-водочных,

цветочных.
Сыграй мне дом,
где вырос я и где
накрыт сегодня, как во время оно,
стол, за которым все мои друзья;
цейлонский чай и золото лимона...

О дождь! Я не хочу быть остряком,
Ни сочинять «персидские» мотивы.
...Сыграй мне в одиночестве квартиры
этиюд на тему «Осень на Морском».

Её лицо смотрело, как Луна
на Млечный Путь, а ночь была темна,
и это было так непоправимо:
...Марина... Это было так давно.
Давным-давно,
и станции той нет.

План гоЭЛРО провален, и в Кашире—
когда-то наша— молодость в Кашире—
витает, не попав на Интернет,
над городком, где к шапочкам-шарфам
идут:

берёз коричневые листья,
стеклянных сосен дымные соцветья
и чуть морозом тронутый шафран...

Я к вам пишу... Вдали араукария
гоняет над газоном мошкарку,
крутя ветвями, как початок догов
размахивать бы мог, когда бы мог он
размахивать хвостами на ветру.
Чего же боле?.. Парадокс секвой:
могучий ствол и женственная крона,
нависшая над самой кормой
недавно арендованного дома,
как макраме. Когда бы дом был мой,
я указал бы также номер дома.

Кому повем? Сын герцога в тюрьме.
Ему там дали чашку, ложку, кружку
и адвоката. Лучше б дали мне:
по крайней мере, выпили б кларету.
Мой генерал! Как не тужить корнету?
Барух-ата... налейте водки мне.

Сувенир

Souvenir, souvenir. Que me veux-tu?..
Верлен

Как резко отличаются от янки
в калифорнийском парке китайки,
как весело стучат их каблучки!

Они идут, счастливые, как пони,
подставив ветру щёки и ладони—
а мне всё снится город у реки:

Берёзы в белых ягодах дождя,
промокшие от ветки и до нитки.
Вокзал; сырые челюсти метро...

Ларёк «Альтернативные напитки»
и опергруппа в бронзовых пальто.

Холодный день глядит на злобу дня,
И облака, сошедшие со сцены,
плывут вдали, как белые сирены.
«...Чего ты хочешь, память, от меня?»

Здесь чайки разделяют целиком
игру воздушных масс над океаном.
Здесь горы и дома цветным туманом
заволокло.

Гранённый морем остров Алькатрас,
как Ленин в шалаше, торчит в заливе.
Здесь русский дух, что б там ни говорили.
«Там чудеса...» Особенно без нас.

Брожу в лесу, и сердце птицей тянет
на ржавчину— господствующий цвет
отечественной мысли: как ботаник
в рефургиум, уйдя в словесный бред.

Такие дни бывают, чтоб в тоске
их провожать под шорох листопада.
...Фаянсовая накипь винограда
блестит, как жир на горном шашлыке.
В лиловых елях небо надо мной.
Сказать «люблю»— язык не повернётся
над Русской речкой...
Вольный житель США,
вернусь ли я когда-нибудь домой,
в края воспоминаний и сиротства,
где на глаза, как слёзы, навернётся
то первый снег, то замша камыша?